

Мартин МакДонах

ОЧЕНЬ ОЧЕНЬ ОЧЕНЬ ТЁМНАЯ МАТЕРИЯ

Действующие лица:

Рассказчик

Марджори

Ганс Христиан Андерсен

Эдвард Коллин

Ингрид

Журналист

Дирк и Барри

Огеши

Чарльз Диккенс

Кэтрин

Кейт, Уолтер и Чарльз Младший

Впервые пьеса была сыграна в Бридж Театре в Лондоне 12 октября 2018 года.

ЧАСТЬ 1

Сцена 1

Мансарда в Копенгагене в конце XIX века. Всевозможные красиво сделанные, но причудливые марионетки висят на потемневших деревянных стенах или разбросаны на грязном полу; гигантские пауки, крабы, пугало, дровосек, а также более привычные животные, такие как кошка, морские коньки, голуби, колибри и т.д., все очень яркие. Ещё на задней стене висит большая картина. В стене справа (если смотреть из зрительного зала) — высокое окно, под которым стоит небрежно сделанная деревянная лестница. Из окна открывается вид на низкие крыши и водостоки закатного Копенгагена. С началом действия появляется метр на метр коробка из красного дерева, подвешенная на толстой веревке за невидимую балку под крышей. Она медленно и театрально раскачивается, как маятник, слева направо, будто в рапиде. Ближе кверху в ней есть круглое отверстие и узкая щель внизу на той

же стороне, сквозь которую можно просунуть только несколько листов бумаги. Мы пока не видим противоположную сторону коробки, также ничего не видно через отверстие или щель, но внутри периодически загорается неровный свет, из чего мы заключаем, что в коробке что-то живое, и оно двигается. Рассказчик с хриплым голосом прокашливается и говорит...

РАССКАЗЧИК: Вы могли бы назвать это головоломкой, вы могли бы назвать это поэмой. Правда, я бы не назвал это ни так, ни так. Но вы можете. Я имею ввиду, кто-то может...

Из круглого отверстия коробки появляются пальцы маленькой чёрной женской руки, осторожно держащиеся за его края, пока маятник не качнётся пару раз, затем в отверстии появляется глаз очень маленькой чернокожей женщины.

Если бы вы были конголезским пигмеем, заключённым на 16 лет в коробку из красного дерева метр на метр с несколькими листами бумаги и карандашом для компании..., как бы вы смогли повеситься?

Небольшая стопка исписанных красивым почерком листов просовывается сквозь щель. Листы мягко слетают на пол мансарды.

У вас нет верёвки. У вас нет шнурков. И вообще, у вас осталась только одна нога. Так как бы вы смогли повеситься? Эта мысль уже давно у вас в голове.

В то время, как рассказчик продолжает, коробка медленно поворачивается, и раскачивание замедляется. Становится видно, что задняя стенка сделана из стекла с точно таким же отверстием и щелью, как на противоположной стороне, а внутри коробки, чиркая спичкой, чтобы что-то подсветить, как и описано выше, находится крошечная элегантно одетая чернокожая женщина. Мешочек из чёрного муслина прикрывает её отсутствующую левую ступню.

Вы умный. Вы — один из самых выдающихся писателей вашего времени, на самом деле, не считая вашей сестры. Но вы пигмей, и вы женщина, и вы родились в Конго в 1869 году, наихудшем времени для того, чтобы вообще где бы то ни было родиться, уже не говоря о том, чтобы быть чёрным карликом. Возможно, никто даже не знает, что вы существовали, уже не говоря о том, что восхищали пятнадцать поколений, которые придут после вас. Так что бы вы делали?

Она садится, и мы можем разглядеть, что внутри коробка сплошь мелко

истисана всевозможными надписями, заметками и формулами.

Ваш муж мёртв, так что он не может вам помочь, и ваши дети мертвы, так что они не могут вам помочь. У вашей сестры свои трудности в её собственной коробке без шнурков, в сраной Англии девятнадцатого века. Так что же вы станете делать?

Она прикуривает маленькую сигару, сидит, глядя вперёд, и тихо курит. Спичка всё ещё горит.

Но, может, вы вообще не собираетесь вешаться. Может, для вас это своего рода пораженчество. Может, вы собираетесь сочинить план побега? *(пауза)* Да, точно. Может, вы собираетесь сочинить план побега.

Она смотрит на нас мгновение и задувает спичку. Свет уходит с коробки, потом со всей мансарды, пока не остаётся только синева заката за окном. В небо начинают взлетать фейерверки.

Сцена 2

Модная вечеринка на открытом воздухе в саду в Копенгагене, следующая во времени за прошлой сценой. Многочисленные гости, включая Эдварда Коллина, его восьмилетнюю дочь Ингрид, журналиста, у которого на шляпе под ленту помещена карточка со словом «Пресса», нескольких вельмож и их хорошо одетых детей, стоят и слушают долговязого и причудливо одетого Ганса Христиана Андерсена, стоящего на приподнятой платформе за кафедрой и впервые публично читающего «Русалочку» как раз в тот момент, когда позади в небо начинают взлетать фейерверки.

ГАНС: «И Русалочка возвела к небу исполненные благоговения глаза и почувствовала, что они в первый раз наполняются слезами....» Фейерверк?! В мою честь?! В честь Ганса Христиана Андерсена?! *(пауза)* Я говорю «Фейерверк? В мою честь? В честь Ганса Христиана...» *(тихо)* Скажи да...

ЭДВАРД: Да!

Все гости аплодируют.

ГАНС: Фейерверк?! И аплодисменты?! В честь скромного Ганса Христиана Андерсена? Я сейчас заплачу! Знаю, что моя новая сказка чудесна и останется в веках, но фейерверк! Боже! Фейерверк придумали китайцы. Это малоизвестный

факт. Они придумали фейерверк и *стены*. А кто бы мог без всего этого прожить? Никто! Так говорят Китайцы? Это ещё моя старая мамаша подмечала. Но об этом тоже мало кому известно. Абсолютные дикари. Они едят щенков, которые принадлежат их детям, а потом, если они всё ещё голодны, они едят и своих детей! (*журналисту*) Да не записывай это, ты, старый записака. Обычные маленькие дети могут испугаться этого дикого образа, а обычные маленькие дети — это не только жизненная сила Дании, но также мои основные поклонники, понимаешь? Милый Эдвард Коллин! На чём я остановился?

ЭДВАРД: Русалочка отказалась убивать принца, и всё идёт к тому, что она может умереть.

ГАНС: Умереть? Правда? Ну конечно «Правда»! Это же моя сказка, не так ли? (*продолжает читать*) «Исполненные благоговения глаза к небу... наполнились слезами...» А, вот: «На корабле, на котором Русалочка оставила своего прекрасного принца, она увидела его с красавицей-невестой, которые ищут её...»

Появляются два «красных человека»: голые до пояса, голова и торс обоих сплошь покрыты чем-то похожим на кровь, на руках и на боках странные швы, у каждого за спиной револьвер за поясом. Они медленно проходят, останавливаются и таращатся на Ганса, который несколько смущён их странным присутствием.

Что это всё такое? Красножопые! Или что это, джем? Должно быть, он липкий!

Многочисленные гости смотрят по сторонам, но, кажется, никто не замечает того, что видит Ганс.

А, другие не могут видеть окровавленных мужчин... Каких окровавленных мужчин?! Точно! Это же часть моей новой сказки, которую я сочиняю, но которую приберегу для следующего раза. «Окровавленные мужчины, которые зашли на чай». Видите, у меня столько сказок, что они выскакивают отовсюду, не правда ли? Как осьминог в смирительной рубашке! Почему смирительная рубашка пришла сейчас мне в голову, я не знаю. Хотя, моя мамаша сошла с ума! Да, сошла с ума. Она была скромной пьющей прачкой, и потом она сошла с ума. Не великая карьера, но это же Дания, знаете ли. Эдвард?!

ЭДВАРД: «...ищут её...»

ГАНС: Ищут её?

Ганс замечает, как один из красных мужчин кашлянул, чтобы

прочистить горло, и сложил руки.

ЭДВАРД: Сказка...

ГАНС: Ах, да! «Ищут её... как будто знают, что она бросилась в пучину!» Но потом, отгадайте что, «Она воспарила вместе с другими дочерьми воздуха навстречу розовому облаку, которое плыло по ... эфи...? Кефи...? Кефиру? Эфиру...? «И через триста лет», говорит взлетающая дама, «так *мы* и приплывём в Царствие Небесное. И мы можем оказаться там даже раньше, потому что каждый день мы встречаем хороших детей...» Слушайте это, вы, сборище... «Каждый день, когда мы встречаем хорошее дитя, которое есть счастье своих родителей и заслуживает их любви, наш трехсотлетний испытательный срок уменьшается. Но всякий раз, когда мы видим злого или испорченного ребенка...»

Он указывает на толстого мальчика.

«Мы проливаем горькие слезы, и с каждой слезинкой один день прибавляется к нашему испытательному сроку.» Немного мрачновато в конце. Тем не менее, «Русалочка», дорогие гости! Написана мной! Гансом Христианом Андерсеном!

Оглушительные овации, летящие цветы и т.д. Спускаясь с платформы и пожимая руки всем и каждому, Ганс одним глазом следит за кровавыми мужчинами, которые не аплодируют. Тем временем они жестом подзывают журналиста, который направляется к ним, что кажется Гансу вдвойне странным. В этот момент он получает поздравления от Эдварда и его дочери.

ЭДВАРД: Дорогой мой Ганс! Это твоё лучшее творение, Ганс! Я думаю, это твоё лучшее!

ГАНС: Эдвард Коллин, ты просто роскошен! Посмотри на себя! Роскошен! Как человек, разумеется. Нет, не *роскошен*. Ты, — как человек, — имеешь прекрасный вкус. Я не влюблён в тебя, ничего такого!

ЭДВАРД: Похоже, ты никогда не бросишь писать сказки, Ганс. Но как это возможно?

ГАНС: Ну, это всего лишь выдумывание. Я просто выдумываю всякое. А это твоя болезненная дочь? Привет!

ИНГРИД: Да, Ингрид. Мы уже встречались.

ГАНС: Неужели?

ИНГРИД: Да, раз сто.

ГАНС: Что ж, я встречаю много людей. Я же очень знаменитый. Сэндвичи, Эдвард? (ей) Ты можешь пойти с нами, Ингмар...

Ганс уводит Эдварда, держа его за руку. Оборачиваясь, он последний раз бросает взгляд на красных мужчин, которые что-то шепчут журналисту, показывая на Ганса. Это крайне пугает журналиста, и он покидает сцену последним. Обеспокоенный.

Затемнение.

Сцена 3

Ночь в мансарде с марионетками. Коробка стоит на широкой полке, которая тянется почти по всей комнате, а внутри Марджори — женщина-пигмей — сидит и пишет. Пара страниц просовывается через щель. Они мягко слетают на пол, когда с важным видом входит Ганс слегка пьяный.

ГАНС: Оглушительные аплодисменты! Он был так взволнован, что оглушительно аплодировал! А как он аплодировал, потому что был так взволнован? Бля, оглушительно!

МАРДЖОРИ: А детям понравилось?

ГАНС: Понравилось? Они были в восторге, дорогуша. Даже тупые. А там их была куча. Это всё были богатенькие детишки.

МАРДЖОРИ: В восторге? Они были в восторге от «Чёрной Русалочки»?

ГАНС: Эммм... Все были в восторге, правда. Ага. Хотя, знаешь, я должен был внести пару изменений. Незначительных изменений.

МАРДЖОРИ: Изменений?

ГАНС: Только в название... и, знаешь, немного в главную героиню.

Взволнованная, Марджори подходит к стеклу.

Не бывает чёрных русалок! Все это знают!

МАРДЖОРИ: Но...

ГАНС: Но что?!

МАРДЖОРИ: Не бывает никаких русалок!

ГАНС: Это всё ловля блох! По крайней мере я оставил твой тупой мрачный финал. Я думал, она должна была бы выйти замуж за принца! А не плавать в эфире/кефире триста лет. Следующая история — *оптимистичная*. У нас уже достаточно смертей в снегах. Детям нравится *слегка* мрачное. Серьёзно, пусть отправляются в кроватку с улыбкой. Как в жизни. Если, конечно, они не трубочисты. В смысле, у меня было много всякой грязной работы в жизни, я был сыном полоумной прачки, а сейчас, посмотри на меня. *Прославлен. Обожжаем*. Лучший писатель. И всё это достаётся мне так легко.

Марджори начинает тихо плакать, съёживаясь.

Ну хорошо, *нам. Нам*. Оо, мы же не будем опять в этом году плакать, а?

МАРДЖОРИ: Ты не можешь!

ГАНС: Я могу, и я это сделал, не так ли? Навсегда. «Русалочка». Без указаний цвета. Что означает, что она белая. Так что смирись. *(пауза)* Ну же, Марджори. Я принёс тебе сосиску.

Он предлагает ей сосиску через отверстие. Она её берёт.

МАРДЖОРИ: Неужели ты не можешь хоть раз меня назвать моим африканским именем?

ГАНС: Нет, не могу. Его очень сложно запомнить. Слишком много «м» и слишком много «б». «Мбубба бубуббаба». Нет. «Марджори». Мне *нравится* «Марджори». Вроде уродливой английской принцессы! И хором!: «А можно в каком-то другом роде?»

МАРДЖОРИ: Могу я тогда хотя бы на вечер вылезти из коробки? Я уверена, что наши сказки были бы менее мрачными, если бы я могла видеть птиц, и деревья, и крыши, чтобы не падать духом.

ГАНС: Они уже достаточно хороши и при том, что ты можешь видеть через двухдюймовую дырку для сосисок.

Она опять выглядит удручённой.

Но... Я полагаю...

Она оживает.

Ты, конечно, помнишь, какой была плата в прошлый раз, когда я разрешил тебе выйти...

МАРДЖОРИ: Нет! Ты не отнимешь вторую ногу! У меня только одна осталась!

ГАНС: А, в любом случае, я не расположен сегодня ничего пилить. Слишком много брызг. К тому же я немного устал от всех этих рукоплесканий. Бля, они были *оглушительные*!

Марджори задумалась на мгновение.

МАРДЖОРИ: «И каждую ночь он выпускал её из коробки, потому что он был не таким уж и плохим человеком. Однако, каждое утро, когда он возвращал её обратно, он делал коробку на дюйм меньше. Потому что я соврала, когда сказала, что он был не такой уж и плохой. На самом деле он был чудовищем».

Ганс задумался над этим.

ГАНС: О-о, мне нравится — делать коробку меньше. Я ж могу блистать ещё кое в чём...

Он указывает в сторону ужасно сделанной лестницы под окном...

Плотницкое дело!

Он отворачивает тяжёлые винты, фиксирующие стекло.

На *три* дюйма меньше...

МАРДЖОРИ: На *один*, ёбтвоюмать!

ГАНС: Ладно! Злюка.

Он сдвигает вниз стекло, позволяя ей выйти, потянуться и прогуляться, опираясь на плохенький костыль, рассматривая марионеток...

МАРДЖОРИ: *(напевая)*

Однажды мой принц придёт.
 Однажды мой принц придёт.
 И моим именем меня назовёт.
 Освободит он меня из ада,
 В котором живу я без отрады.
 Оружье с собой
 Он принесёт.

Весь мир опечалится тем,
 Весь мир опечалится тем,
 Что Европа с тобой сотворила.
 Десять миллионов
 Черепов предъявят счёт
 Тебе из ада.
 Тебе из ада.

Ганс берёт пилу и логарифмическую линейку, которые прикреплены к верхней части коробки и начинает её пилить.

ГАНС: *(радостно)* Ты будешь раздроблена на мелкие кусочки, если мы будем так делать слишком много раз!

МАРДЖОРИ: Ага. А детям правда понравилась «Русалочка»?

ГАНС: Бля, *в восторге*, дорогуша! Мой агент сказал, что она на века!

МАРДЖОРИ: Ох уж эти агенты. Говноеды.

ГАНС: Эй! Ты глянь, какой костыль я тебе смастерил. Видишь, ты не можешь сказать, что я совсем плохой. Ты как крошечный Крошка Тим! Но африканский и не такой смешной.

МАРДЖОРИ: Мне нравится Крошка Тим. Мне нравятся сказки про обречённых калек, которые умирают. Очень жаль, что в конце он вернулся живой. Хоть бы это было и Рождество.

ГАНС: Вот в этом-то и заключается всё, что порочно в твоём миропонимании. Наш новый девиз: «Оптимизму — да...»

МАРДЖОРИ: Оптимизму — да...

ГАНС: Обречённые калеки, которые умирают на Рождество...

МАРДЖОРИ: *(улыбаясь на «нет»)* Может...

ГАНС: Нет, не может. *Нет.* Вспомнил! Чарльз Дарвин недавно пригласил меня посетить его дом в Лондоне...!

МАРДЖОРИ: Чарльз *Диккенс*...

ГАНС: Чарльз *Диккенс* недавно пригласил меня посетить его дом в Лондоне, потому что он думает, что я совершенно блистателен! Думаю, он тоже вполне себе хорош, хотя я ничего не читал из его вещей. Они слишком длинные. Но он был очень любезен со мной десять лет назад, когда мы встретились на вечеринке, которая была похожа на сборище дорогих проституток в Дорсете. С тех пор мы переписываемся. Ну, *я* переписываюсь. Он слишком занят. Но, кажется, у нас много общего.

МАРДЖОРИ: Например?

ГАНС: Не знаю. *Он* писатель. *Мы* писатель. *Он* любит бедняков, *ты* любишь бедняков. Вся наша благотворительность направляется в Африку. Возможно, его мамаша тоже свихнулась перед смертью, но я не уверен. Нужно будет его спросить.

МАРДЖОРИ: Только не забудь в этот раз оставить еду.

ГАНС: Да, да. Кстати, о памяти...!

Он вынимает из пиджака пачку писем.

Я только что вспомнил про почту от моих поклонников! Ура!

Он начинает перебирать конверты.

Что тут у нас... бедные дети, бедные дети, бедные дети...

Он отбрасывает их за плечо.

О! А это что? Письмо от Короля Испании! Боже! Тут и настоящий королевский гриф, смотри. Класс!

Марджори подходит и садится рядом с ним, играя с марионеткой-науком.

МАРДЖОРИ: Я бы хотела, чтобы мне прислал письмо настоящий Королевский

гриф.

Он бросает на неё взгляд.

ГАНС: Я говорю, письмо от Короля Испании!

«Дорогой Ганс Христиан Андерсен...» О-о, несколько формально, но ничего. «Ваша сказка про утят, она прекрасна...» Наверно, он имеет ввиду «Гадкого утенка». «Утята!» Как мило! «Мы во дворце обычно восхищаемся Вашими новыми сказками...» Тут написано «обычно». Я от этого не в восторге. «Однако...» Ещё и «однако». Час от часу не легче. «Однако, «Новое платье императора» привело нас в недоумение.» «Недоумение» годится, это значит, что он тупой. «Я ничего не знаю об императорах, но, как король, который то же самое, что император, я бы ни за что не стал разгуливать с хером и яйцами наружу, чтобы это было видно всем на свете. Ни за что я бы этого не сделал, даже если бы это было модно. И уж конечно люди заметили бы, что у меня хер с яйцами наружу, и указали бы на это. А не только маленькая девочка. И вообще, хорошо ли мне показывать хер с яйцами маленькой девочке в детской сказке? Ей, должно быть, всего лишь около семи лет от роду, этой девочке. Конечно, в этом есть некий подтекст, не так ли? Мой хер и яйца прямо у неё перед носом. Прямо перед носом этой маленькой девочки. Или я неверно это прочитал? Искренне Ваш, Король Испании». *(пауза)* Ну, я думаю, он полностью упустил сатирический аспект.

МАРДЖОРИ: Ага, он упустил сатирический аспект...

ГАНС: Он воспринимает всё буквально, да? Хотя, в целом, это хорошее письмо! Ещё и от Короля, не меньше! Это замечательно — получить письмо от Короля. Даже если это всего лишь Испания.

МАРДЖОРИ: Однажды настанет день, когда не будет ни королей, ни королев. Но всё равно люди не станут любить друг друга так, как следовало бы. Это ничего не решит, но по крайней мере на свете будет немного меньше мудаков, за которых мы горько расплачиваемся.

ГАНС: Ты хочешь обратно в коробку?

МАРДЖОРИ: Король Леопольд II Бельгийский, например.

ГАНС: Король Бельгийского Конго? Твой ненавистный?

МАРДЖОРИ: Вот сейчас был мудак.

ГАНС: Ты просто завидуешь, потому что он богатый, а ты бедная, он убил

девять миллионов человек в Африке, а ты нет.

Она встаёт и опять начинает ходить.

МАРДЖОРИ: Десять миллионов человек в Африке.

ГАНС: Девять, десять, это трудно запомнить, когда цифры становятся настолько большими. Давай просто скажем «много». Но спорим, через сто лет ему в Бельгии всё равно поставят памятники. А тебе — нет. Народ *любит* королей. Африканские карлики могут с этим не соглашаться.

МАРДЖОРИ: У нас были свои короли и королевы в Африке.

ГАНС: Да ну?

МАРДЖОРИ: И они тоже были мудаками.

ГАНС: Пожалуйста, давай больше не будем произносить слово на «м». О! Письмо аж из Ырландии. От малышки Морин восьми лет. Конечно, мы дадим ей шанс! Ужасный почерк. Думаю, оно из Ирландии.

Марджори поднимается по лестнице к окну с несколькими марионетками-голубями.

Наверно, Морин использовала маленькую картофелину, которую макала в чернила?! Я жесток?!

МАРДЖОРИ: Если она пишет из Ирландии 1850-х, и если она может найти картофелину, то я сомневаюсь, что она стала бы макать её в чернила.

ГАНС: Что это? Вести с полей? Не ко мне.

МАРДЖОРИ: У них там сейчас вообще нет картошки.

ГАНС: Какая жалость! Этим только они и знамениты. «Дорогой Ганс...» Немного неформально! «Я прочтита...» Дальше с ирландским акцентом... «Я прочтита Вашу хорошую сказку «Девочка со спичками», и она принесла слезу мене в флаз*, да-да.

*Н, Һ — фрикативный Г.

Потому шо она напoмнила мене мою собственную плохую жизнь...» Ну вот, письмо от попрошайки... «Моя собственная плохая жизнь, осиротевшая и

обездоленная в восемь...» Стой, ей восемь, а она использует такие длинные слова, как «обездоленная»? Я так не думаю, Морин! Наверно, это написала её мамаша... Бла бла бла «Должна была схоронить младшенького на торфяном болоте в Коннемаре...» бла бла бла... «И всё, о чем я только могу мечтать...» Так-таак... «Это фотография от Нанса Христиана Андерсена...» Ого.. «От человека, которая научила детей из мира, как снова начать мечтать. Ваша искренне, Морин ... Куррфлурррггх....» Не стану даже пытаться это произнести! Ещё хуже, чем у тебя! *(пауза)* Хм. К концу не так уж и бесит. Бедняжка Морин. Но блин, фото с автографом аж из Дании? У меня тут не склад почтовых марок, Морин!

Он отбрасывает письмо.

МАДЖОРИ: У них всё будет хорошо. Они скоро будут свободны.

ГАНС: Кстати, ты смотри там не придумай ничего прикольного с окном. Там усиленное стекло, которое стоит сраную кучу бабла.

МАРДЖОРИ: Если бы я хотела сбежать, я бы сбежала много лет назад.

ГАНС: Да ты что?

МАРДЖОРИ: Я не могу уйти, пока оно не наступит.

ГАНС: Пока что не наступит?

МАРДЖОРИ: Моё будущее.

ГАНС: «Абракадабург» был первым дорожным указателем на пути моей мамочки в дурдом. Так что держи себя в руках.

МАРДЖОРИ: Кстати, что ты сделал с моей ногой?

ГАНС: С твоей маленькой ножкой? Я выменял её у цыган на заколдованную концертину. Ну, *они* сказали, что она заколдованная. Я побаиваюсь на ней играть.

Он указывает на концертину на стене и корчит страшную рожу.

МАРДЖОРИ: Да, я терпеть не могу заколдованные инструменты. Особенно волынки.

ГАНС: И последнее письмо поклонника на этой неделе от.... Ага, Аноним.

Дебил! «Дорогой Андерсен...» Ну, это немного..., я даже не знаю немного как...

МАРДЖОРИ: Резковато?

ГАНС: Да, резковато. «Дорогой Андерсен. Как так получается, что все твои сказки, похоже, написаны чёрной карлицей, заключённой в коробку метр на метр?

Они переглядываются, затем Марджори спускается по лестнице, чтобы снова сесть рядом с ним. Слушая, она играет с марионеткой-кошкой и голубями.

«Дюймовочка», например. Крошечная женщина, которой помогали жуки и спасла птица. Или «Тень». Писатель, которого после странного путешествия по Африке начинает преследовать его собственная тень. Тень, которая становится умнее, чем писатель, вытесняет его отовсюду и потом убивает его. Очень похоже, что выдумать такое может только очень умная женщина-пигмей... закованная в цепи в метровой коробке... с одной стеклянной стороной и двухдюймовой дыркой для сосисок. Ты меня услышал, Андерсен. Женщина-пигмей, закованная в цепи в метровой коробке.

Они смотрят друг на друга, затем он указывает на марионеток-голубей и кошку, с которыми она играет.

Так, среди голубей оказался кот! *(пауза)* По крайней мере, он не прав насчёт цепей. Он или она.

МАРДЖОРИ: Или они.

ГАНС: Или они.

МАРДЖОРИ: *(пауза)* Там же не было никого необычного сегодня на чтениях?

ГАНС: Необычного? Нет. Никого, кто пришёл бы мне на — Необычного в чём?

МАРДЖОРИ: Возможно, иностранцы? Или все в крови?

ГАНС: Таких я не заметил. *(пауза)* Но, знаешь, там было множество людей. Я же очень знаменит. *(пауза)* Как ещё они могли выглядеть, эти несуществующие люди?

МАРДЖОРИ: Может, вооружённые? Или с бельгийским акцентом?

ГАНС: С бельгийским акцентом? Ну, они ничего не говорили.

МАРДЖОРИ: Кто ничего не говорил?

ГАНС: *(пауза)* Точно.

Они оба всматриваются вперёд.

Затемнение.

Сцена 4

Окровавленные бельгийцы Дирк и Барри в круге света или как-то так.

БАРРИ: Велосипеды!

ДИРК: Вы нам не поверите!

БАРРИ: Это же были велосипеды, правда?

ДИРК: Сейчас это кажется совсем безобидным, но, да!

БАРРИ: Все любят велосипеды. Но из-за велосипедов...

ДИРК: Мы должны были убить десять миллионов человек в Конго.

БАРРИ: Нелепо! Так я сказал!

ДИРК: Это из-за резины, понимаете?

БАРРИ: Для шин.

ДИРК: У них там был каучук...

БАРРИ: А у нас в Бельгии не было каучука, так что...

ДИРК: Законы рынка.

БАРРИ: Король Леопольд II...

ДИРК: Который с бородой...

БАРРИ: Он любил велосипеды, и ему захотелось колонию в Африке, так что...

ДИРК: У каждого была колония в Африке! Почему бы Бельгии не завести себе колонию в Африке?!

БАРРИ: С такой логикой не поспоришь.

ДИРК: Мы приходили в деревни, в которых не выполнялся план по сбору каучука...

БАРРИ: И вы отрубали несколько рук, что сначала имело смысл...

ДИРК: Вы думали, что это помогло бы им сосредоточиться!

БАРРИ: Я бы собрал больше каучука, если бы знал, что *моя* рука или руки или рука или руки моих *детей* будут отрублены, не так ли?

ДИРК: Оглядываясь в прошлое, мы можем заметить, что чем меньше рук, тем сложнее работать.

БАРРИ: К тому же, как правило, ты умираешь.

ДИРК: Это превратилось в порочный круг.

БАРРИ: Да, как огромное крутящееся колесо велосипеда, которое никогда... не перестанет... убивать... чёрных.

ДИРК: Там, должно быть, дохуя рук повсюду.

БАРРИ: Там, должно быть, вырезаны целые деревни, по-любому.

ДИРК: Всё благодаря лейтенанту Полю Бому из Антверпена. Он был зверь!

БАРРИ: Но не всем из нас нравилось убивать мужчин, женщин и детей...

ДИРК: Это оставляло ужасное послевкусие...

БАРРИ: Вот почему мы заходили в пигмейские деревни и убивали *их*.

ДИРК: Так более сбалансированно, когда все одного роста.

БАРРИ: И не нужно слишком быстро бегать.

ДИРК: Ещё раз оглядываясь в прошлое, это кажется необоснованным.

Пауза.

БАРРИ: «Сердце тьмы» Джозефа Конрада было вдохновлено Бельгийским Конго...

ДИРК: Так что вы не можете сказать, что Конго с этого ничего не приобрело.

БАРРИ: Такие выгоды от вашей торговли.

ДИРК: Как бы то ни было, там мы впервые встретили Марджори.

БАРРИ: Или Мбутэ, или как там её...

ДИРК: В одной пигмейской деревне.

БАРРИ: Там-то она нас и убила.

Пауза.

ДИРК: Корова!

БАРРИ: Конечно, ничего такого ещё не произошло...

ДИРК: Ничего такого не произойдёт ещё двадцать семь лет...

БАРРИ: Вот почему мы вернулись.

ДИРК: Удавить это в зародыше.

БАРРИ: Она думает, что может это остановить.

ДИРК: Вот почему *она* вернулась.

БАРРИ: Она не может это остановить! Это уже случилось!

ДИРК: Она умная, но не дохуя умная!

БАРРИ: Она не может это остановить, не так ли?

Они смотрят друг на друга мгновение. Обеспокоенные. Затем оглядываются.

ДИРК: Десять миллионов человек!

БАРРИ: Это охуеть сколько!

ДИРК: Когда задумываешься.

Затемнение.

Сцена 5

В затемнении звуки рубки и пиления, затем высвечивается Ганс, который мастерит коробку на дюйм (или около того) меньше, а Марджори или Рассказчик читает её новую сказку, возможно, в мегафон.

МАРДЖОРИ/РАССКАЗЧИК: Он вырос в церковном подвале в Теннесси и не ладил со своими семью старшими братьями. Они били его и издевались над ним за то, как сильно он любил добрые слова Иисуса, которые проникали сквозь доски церковного пола и наполняли его мятежное сердце миром и любовью, и всяким таким. Но в один прекрасный день, Боже, он пошёл и сделал это! Он освободил всех маленьких букашек и крошечных созданий, которых его братья поймали в свои ловушки. Он думал, что так поступил бы Иисус, если бы он жил здесь и заботился бы о букашках. Но когда его братья обнаружили это, Боже, это была последняя капля. Они поймали его и взяли его за восемь маленьких ножек и прибили их к деревяшке, и оставили его там умирать. И он там умер...

Марджори вытаскивает марионетку-паука из-за спины и слегка её подёргивает...

Но его душа не умерла. Его душа вознеслась; она пролетала паутину, дощатый пол, священников и прихожан. Она возносилась прямо на Небеса. Но человек у Врат сказал, что пауков на Небеса не пускают, потому что «Они будут пугать маленьких детей.» И он полетел обратно вниз. И он не знает, где он сейчас. Он не знает, где он. Он знает только то, что там очень очень очень очень темно.

Ганс закончил мастерить коробку поменьше. Марджори поворачивается, чтобы увидеть её; плечи опадают.

ГАНС: Что я недавно говорил?

МАРДЖОРИ: Оптимистично?

ГАНС: Мы сейчас куда-то полезем.

Он лениво указывает большим пальцем, чтобы она лезла в коробку. Она показывает марионетку-паука.

МАРДЖОРИ: Я могу взять его с собой?

ГАНС: Мне хочется сказать нет... и я собираюсь сказать нет.

Он забирает у неё марионетку. Она лезет в коробку.

Нити от марионетки и пигмейская шея... не... сов... мес... ти... мы. Так говорят в Швеции.

Он поднимает стекло и запирает её. Отходя, он слегка толкает коробку, и она тихо покачивается из стороны в сторону.

Ну и как тебе новая коробочка? Удобная?

МАРДЖОРИ: Блять, ощущение, что больше дюйма.

ГАНС: Возможно, два. У меня не очень с измерениями. Но, может, это заставит тебя сосредоточиться на чём-то немного более *оптимистичном*. Наш новый девиз, Марджори: Оптимизму — да. Распятые пауки, которые не могут попасть в Рай — немного не то.

Он поворачивает коробку стеклянной стороной от нас, а круглым отверстием к нам и вытаскивает из пиджака длинную связку сосисок.

А, я забыл сказать, что я, эммм, собираюсь ненадолго съездить в Англию. На пару недель.

В отверстии появляется глаз Марджори.

МАРДЖОРИ: На пару недель?

ГАНС: Чарльз Дарвин приглашает...

МАРДЖОРИ: Диккенс...

ГАНС: Чарльз Диккенс приглашает. Но я оставляю тебе четырнадцать сосисок, по одной на вечер, пока я буду отсутствовать. Скрестим пальцы, чтобы лодка не утонула, иначе нам обоим пиздец! Не объедайся!

Он подаёт ей один конец связки сосисок, оставляя другой на полу. Он выходит, и мы слышим, как он закрывает дверь в мансарду и спускается вниз по лестнице. На мгновение мы видим глаз Марджори и её руку, держащую сосиски через отверстие. Затем она отбрасывает их подальше. Её глаз отдаляется от отверстия и исчезает в темноте коробки.

Затемнение.

Сцена 6

Отвёрнутая от нас коробка всё ещё на сцене, сосиски всё ещё на полу, куда Марджори их отбросила. Все марионетки на стенах более-менее на своих местах, хотя, марионетка-пугало, может, немного сползла, непонятно каким образом. Дверь в мансарду кто-то пытается открыть, затем вскрывает замок, и мы видим журналиста из второй сцены, который осторожно входит. Он зажигает спичку и осматривает марионетки, сосиски, затем видит коробку и медленно подходит к ней. Он заглядывает в отверстие. В это время марионетка-пугало устрашающе шевелится и поднимает голову, чтобы обнаружить Ганса, который за всем этим наблюдает. Большие напольные часы рядом с ним бьют семь. Журналист, всё ещё не видя Ганса, медленно поворачивает коробку стеклянной стороной к себе и к нам, а Ганс тихо снимает марионетку-дровосека и берёт у неё из рук настоящий топор. Журналист зажигает ещё одну спичку, чтобы яснее видеть, и постукивает пальцами по стеклу. Внутри ничего нет, кроме скомканного одеяла. Ганс кашляет, чтобы в конце-концов обратить на себя внимание.

ЖУРНАЛИСТ: Ой, бля. Привет ещё раз.

Ганс почёсывает нос топором.

Зачем это рубило?

ГАНС: Чтобы рубить. Не врубаешься?

Непонятно откуда слышится тяжёлое дыхание Марджори, возможно, всё громче, но журналист не может понять, откуда, потому что в коробке ничего не шевелится.

ЖУРНАЛИСТ: Чтобы рубить что?

ГАНС: Чтобы рубить кого.

МАРДЖОРИ: Чтобы рубить кому.

ГАНС: А я думал, нужно говорить «кого», когда мы не знаем, кого рубим.

МАРДЖОРИ: Мы знаем, кого рубим.

ГАНС: Мы знаем. Он не знает.

ЖУРНАЛИСТ: Теперь знаю!

ГАНС: О! Теперь знает.

ЖУРНАЛИСТ: (*громким шёпотом*) Скажи ему, что ты только шутишь насчёт его убийства.

ГАНС: Я только шучу насчёт твоего убийства.

ЖУРНАЛИСТ: (*шёпотом*) Чтобы успокоить его.

ГАНС: Чтобы успокоить тебя.

МАРДЖОРИ: Нет, не говори ему, что ты его успокаиваешь!

ГАНС: Нет, я не говорю тебе, что я тебя успокаиваю!

ЖУРНАЛИСТ: Подойдёшь ближе, я разобью стекло, и тебе придётся иметь дело с нами обоими.

ГАНС: Там никого нет, долбоёб.

Он показывает «марионетку», висящую на распятии на задней стене. Она поднимает голову, и, оказывается, это Марджори. Она слегка машет.

Я видел, как ты поднимался по лестнице, придурок! И это ты называешь красться? Ёбанный слоняра!

ЖУРНАЛИСТ: Ты всё-таки *держишь* пигмея у себя в мансарде.

ГАНС: Кто это говорит? В общем, да. Но это признание не сделает *менее* вероятным то, что ты сейчас будешь убит. Оно сделает его *более* вероятным.

МАРДЖОРИ: А правда, *кто* говорит, что он держит пигмея у себя в мансарде?

Он поворачивается к ней.

ЖУРНАЛИСТ: А,... ну, хороший журналист никогда не раскрывает свои источники, ведь так?

Ганс с силой ударяет журналиста топором по голове. Он резко падает. У него течёт кровь...

ГАНС: Хороший журналист? Ты вор!

МАРДЖОРИ: *Вор.*

ГАНС: *Вор.* Слононогий вор!

МАРДЖОРИ: Кто тебе сказал?

ЖУРНАЛИСТ: Красные мужчины...!

Марджори слезает с креста. Они с Гансом переглядываются.

МАРДЖОРИ: Откуда им это известно?

ЖУРНАЛИСТ: Я не знаю! Клянусь, не знаю!

МАРДЖОРИ: Они бельгийцы?

ЖУРНАЛИСТ: Думаю, да. У них тёмные волосы и огромный комплекс неполноценности.

ГАНС: Точно бельгийцы! А это была кровь или джем?

МАРДЖОРИ: Ганс, ради Бога! Конечно это была кровь. Это конголезская кровь тридцатилетней давности.

ГАНС: Звучит не очень гигиенично.

ЖУРНАЛИСТ: У меня кровь...

ГАНС: Конечно у тебя кровь. А ты думал, это смазка с топора?

ЖУРНАЛИСТ: И что же величайший писатель всея Дании делает с пигмеем в своей мансарде?

МАРДЖОРИ: И что же величайший писатель всея Дании делает с Гансом Христианом Андерсеном, живущим этажом ниже?

ЖУРНАЛИСТ: *(пауза)* Она пишет твои сказки?

ГАНС: Нет. Что-то типа... Мы их вместе пишем. Короче, я вообще не пишу. Я меняю куски, которые мне не нравятся, а всё остальное стираю из истории. Я примерно как немецкий театральный режиссёр. Или, знаешь, как немец вообще.

ЖУРНАЛИСТ: Это же сенсация.

ГАНС: Сенсация от мертвеца, к сожалению.

МАРДЖОРИ: О-о, мне нравится — «Сенсация от мертвеца».

ГАНС: Тебе понравилось? Видишь, я не полный идиот, правда?

ЖУРНАЛИСТ: Пожалуйста, я ухаживаю за слепой матерью.

ГАНС: *(зевая)* Да?

ЖУРНАЛИСТ: Я всё, что у неё есть.

ГАНС: Откуда эти плаксивые звуки? Ах да, из твоего рта!

ЖУРНАЛИСТ: Она не только слепая, она ещё и глухонемая, несчастное создание.

ГАНС: Она слепая и глухонемая? Так она вряд ли заметит твоё отсутствие!

ЖУРНАЛИСТ: *(Марджори)* Пожалуйста, мисс... Они и про Вашу сестру мне рассказали, бельгийцы.

МАРДЖОРИ: Что про мою сестру?

ГАНС: Ну давай...!

МАРДЖОРИ: Моя сестра мертва.

ЖУРНАЛИСТ: Нет, нет. Она в коробке в доме Чарльза Диккенса в Лондоне.

Ганс хватается журналиста и, держа его спиной к нам, перерезает ему горло топором. Кровь забрызгивает стекло коробки. Ганс позволяет телу сползти на пол и стоит, виновато перебирая пальцы.

ГАНС: «В доме Чарльза Диккенса в Лондоне»! Будто такая знаменитость стала бы держать... пигмея в...

Марджори смотрит на него ошарашенно. Ганс смотрит на наручные часы.

В общем, как я сказал, я еду в дом Чарльза Диккенса в Лондоне. Нам нужно многое навестить. Тебе лучше вернуться в коробку.

МАРДЖОРИ: Она жива?

ГАНС: Не понимаю, о чём ты. В коробку, пожалуйста.

Она забирается в коробку. Он её запирает.

ГАНС: Так тебе *нужны* сосиски или тебе *не* нужны сосиски? Потому что я в курсе твоей недавней сосисочной вспышки гнева.

МАРДЖОРИ: Она жива, Ганс?

ГАНС: Возможно. Я же говорил, что у нас много общего. *(пауза)* Хочешь, чтобы я ей что-то передал?

Она собирается говорить.

Не, я только придуриваюсь. Я же не какой-то там что-то-передает, правда? Увидимся через пару недель, Марджори. Скрестим пальцы!

Он снова просовывает в отверстие связку сосисок и выходит... затем ещё раз возвращается и тушит газовую лампу рядом с дверью.

Я выключу свет, ладно? Сэкономлю немного газа. Я ж не богатея какой-то.

Свет гаснет и он выходит. Слышатся его затихающие шаги вниз по лестнице, оставляя Марджори в лунном свете.

МАРДЖОРИ: Она жива!

Улыбаясь, она забирается под одеяло и начинает есть сосиску. Рассказчик кашляет и затем говорит.

РАССКАЗЧИК: Я забегаю далеко вперёд..., но путешествия во времени позволяют это, так что, знаете... *(пауза)* Восемнадцать лет спустя после событий первой части и за десять лет до того, как должен был начаться кошмар в Конго, почтенный датский сказочник Ганс Христиан Андерсен умер в Копенгагене своей смертью от осложнений, вызванных падением с кровати... Богом клянусь, вот смотрите! *(пауза)* После смерти среди его вещей, которые в основном состояли из неотправленных любовных писем, адресованных как женщинам, так и мужчинам, и целой мансарды марионеток, сделанных из материалов, которые ещё не были изобретены, была найдена маленькая коробка из красного дерева. В коробке лежал крошечный скелет. Он тоже был на нитях, как марионетка: семнадцать нитей были продеты в дырочки в костях его рук и семнадцать нитей продеты в дырочки в его черепе...

Пока мы слушаем Рассказчика, мы видим за стеклом внутри коробки над Марджори подвешенный скелет пигмея, как описано — шея и руки подвешены на нитях...

У него была только одна нога, и у него была только одна рука, и я не представляю, как Ганс Христиан Андерсен собирается выйти из этой истории чистеньким, но помните, дети, это всего лишь сказка, и сейчас эта сказка только на середине. Так что скидывайте свои башмаки и устраивайтесь поудобнее, потому что гораздо более весёлая и более-менее оптимистичная Часть Вторая.

Когда Рассказчик заканчивает, скелет медленно поднимает свой череп, его пустые чёрные глазницы пристально смотрят вперёд прямо на нас.

Затемнение.

Конец первой части.

ЧАСТЬ 2

Сцена 7

РАССКАЗЧИК: Вместо угрозы загадочной смерти, сейчас будет колибри-интермедия.

Голодная и ослабленная, Марджори сворачивается калачиком под одеялами в коробке. Снаружи на стеклянную сторону и, возможно, по всей комнате, проецируются колибри в рапиде.

В далёкой Месопотамии жила
хромоногая арабская девочка-попрошайка, которая мечтала
о том, чтобы обучить армию колибри сражаться
с армиями угнетателей Африки.
«Колибри настолько малы,
а войска, с которыми они могут столкнуться, настолько огромны» —

МАРДЖОРИ:

Всё, что им нужно будет сделать,
это влететь прямо в их поганые зенки.

РАССКАЗЧИК:

Мужчины зубоскалили, потому что мужчинам это свойственно.
«Как может птичка победить армию?»
Она отвечала...

МАРДЖОРИ:

Недавно я видела много колибри.
Я давно не видела римлянина, пацаны.
Я давно не видела римлянина.

На интермедии свет уходит, затем опять набирается собственно на седьмой сцене.

Женщина-пигмей стоит на полке спиной к нам и играет на заколдованной концертине — жутковатую, слегка на китайский манер, мелодию. Она поворачивается к нам, и мы видим, что она слепая, её глаза выдраны некоторое время назад, а внутри коробки просыпается Марджори, напуганная. Становится понятно, что второй пигмей — это не она...

МАРДЖОРИ: Огеши?! Огеши?! Сестра, это ты?! Посмотри на меня, Огеши!

Огеши смеётся страшным пронзительным смехом и продолжает играть.

Положи эту заколдованную концертину, Огеши. От неё у тебя страшный голос.

Огеши перестаёт играть.

Ты можешь достать до замков на коробке, Огеши?

ОГЕШИ: *Китаянки!*

МАРДЖОРИ: Что?

ОГЕШИ: *Китаянки!* Ты должна была сделать русалочку *китайкой*. Вот какие русалки самые страшные. *Китаянки!*

МАРДЖОРИ: Я не хотела, чтобы она была страшной. Я хотела, чтобы она понравилась детям.

ОГЕШИ: Китайские приведения — это самые ужасные приведения. А китайские русалки — самые страшные русалки. Я не знаю, почему. Китайские дети милые, а *мёртвые* китайские дети, сука, *ужасны*. Даже китайцы согласны.

МАРДЖОРИ: О, Боже, это продолжение сна.

ОГЕШИ: Я тебе сейчас расскажу страшную китайскую сказку. Не теряй надежды!

МАРДЖОРИ: Будет не весело.

Огеши тихо играет на концертине, как бы фоном для своей страшной сказки.

ОГЕШИ: Одному китайскому сиамскому близнецу перерезали горло...

МАРДЖОРИ: Так и знала!

ОГЕШИ: Но его сиамский брат-близнец ничего об этом не знал, потому что его сиамский брат-близнец был глухой и слепой.

МАРДЖОРИ: Всё хуже и хуже!

ОГЕШИ: Брат с перерезанным горлом умер сразу в их шанхайской лачуге, но его брат сразу не умер. Он просто не мог понять, почему они больше не ходят или больше не говорят, или больше не едят. Он думал, что сделал что-то не так, но не мог понять, что. Как жесток может быть мир к незащищенным. Убить одну половинку сиамских близнецов и оставить вторую половинку в неведении в комнате без еды и тепла, к тому же в зимнее время. Вот коробка, из которой было бы трудно сочинить план побега. И он не сочинил, бедняжка. Он умер пять дней спустя. Кто-то говорит, что он умер от голода, кто-то говорит, что от холода. Кто-то даже говорит, что он умер от разбитого сердца. Но нет. Он умер от трупного окоченения своего брата. Первый человек в истории, который умер от чьего-то трупного окоченения. Оно подступало снаружи, оно подступало изнутри, оно подступало к легким и рукам, оно подступало к челюсти. Последним окоченел его левый глаз, как только с него упала последняя слеза на щеку, которая уже остыла. Так, размышляя над этим, если в том состоянии он всё ещё плакал, можно предположить, что он умер от тоски. Возможно, от тоски. *(пауза)* Вот и сказке конец.

Она доигрывает последнюю ноту и возвращает концертину на стену, на прежнее место.

Мне бы лучше вернуться в Лондон. А то меня хватятся.

Она опять смеётся своим жутковатым смехом.

МАРДЖОРИ: *(со слезами на глазах)* Огеши...!

ОГЕШИ: Не забудь, где я повесила заколдованную концертину. Однажды она может пригодиться. Если ты вдруг захочешь сыграть какое-нибудь страшное китайское говно.

Она идёт к двери.

МАРДЖОРИ: Ты умерла, Огеши? Вот что?

Огеши печально смотрит в пол.

Это не сновидение, правда? Это привидение.

Грустная Огеши выходит, закрывая за собой дверь.

Прощай, Огеши.

Затемнение.

Сцена 8

Большой обеденный стол в доме Чарльза Диккенса. Диккенс, его жена Кэтрин и трое их детей — Кейт, Уолтер и Чарльз Младший по одну сторону стола, Ганс — по другую. Диккенс уже в бешенстве...

ГАНС: Scusi, no, no, (*ит. Извините, нет, нет. — Прим. пер.*) но если серьёзно, мистер Дарвин...

ДИККЕНС: Диккенс! Мистер Диккенс! Мистер Чарльз, нахуй, Диккенс! Я тебе это говорю уже пять ёбанных недель!

ГАНС: Диккенс, я знать! Снова и снова, правда...?!

ДИККЕНС: Сколько ещё раз?!

ГАНС: Я знать, не так ли...?

ДИККЕНС: Я — Рождественские калеки! Он — происхождение, блять, видов!

ГАНС: Pero, (*ит. Однако. — Прим. пер.*) всё же, мой Дикки, Вы должны говорить намного ме-е-едленнее и чё-ё-ётче, если Вы хотите, чтобы бедный нескладный малый из датских земель мог понять, что Вы говорить.

ДИККЕНС: Я скажу чётче, я скажу чётче. Когда ты собираешься съебаться?! Уже, сука, пять недель, дружище! Ты сказал две, когда появился здесь. Я чуть не подавился, когда услышал про две! Но пять!

ГАНС: Нет, это... Мне нравится, как звучит Ваш речь, но я, ох, я не понимать, Вы понимать?

КЕЙТ: Папа говорит, что Вы ему не нравитесь, и он хочет, чтобы Вы уехали.

КЭТРИН: Кэти, дорогая, это не то, что он сказал.

УОЛТЕР: Съебаться, он сказал.

КЭТРИН: Уолтер...

ДИККЕНС: Дело не в том, что он мне не нравится. Он, блять, просто пожирает мой мозг!

ГАНС: Всё, что я слышу, это что-то про сад. И это прекрасно, потому что я люблю сады. Потому что там можно найти... (*Чарльзу Младшему*) Чарльз?

ЧАРЛЬЗ МЛАДШИЙ: (*угрюмо*) Яблоки.

ГАНС: Браво! А как «яблоки» по-датски?

ЧАРЛЬЗ МЛАДШИЙ: Ебле.

ГАНС: Ебле, прекрасно! Что за умный засиранец! Могу я тебя пожать?

ЧАРЛЬЗ МЛАДШИЙ: Нет.

ГАНС: Превосходно!

ДИККЕНС: Пять недель этой хуйни! То есть... это не очевидно, что мне больше нечем заняться!

КЭТРИН: А кто счастливица на *этой* неделе, Чарльз?

ДИККЕНС: Ой, блять, не начинай. Я наелся говна от долговязого на всю оставшуюся жизнь. Я не нуждаюсь в том, чтобы ещё и ты срала мне в уши.

КЭТРИН: Пойдёмте, дети. Поскольку ваш отец охуел, я думаю, что вам пора по кроватям.

УОЛТЕР: Охуел!

ГАНС: Спящие детишки. Прелестно. Мыло!

КЕЙТ: Мамуля, а папа опять трахает шлюх?

КЭТРИН: «Опять» предполагает, что было время, когда папа *не* трахал шлюх, а потом снова начал трахать шлюх. Так что твоя терминология, Кейт, дорогая, не вполне точна.

УОЛТЕР: «Терминология». Класс!

ГАНС: Говор маленьких детей, он как музыка. Как Музыка на воде Генделя, да?

УОЛТЕР: Пидар.

ЧАРЛЬЗ МЛАДШИЙ: Кретин.

КЕЙТ: Уезжай!! Уезжай!!

Дети гуськом выходят, их мать за ними.

КЭТРИН: Спокойной ночи, мистер Андерсен. Я уверена, что завтра утром мы увидимся снова. И послезавтра утром, и каждым утром, пока я и дети не умрём.

ГАНС: В добрый путь! Наверх. Так и есть!

Кэтрин тоже выходит, злобно взглянув на Диккенса.

Милейшие дети, которых я когда-то встречать. Боже, я встречать хуевы тучи детей. Даже швейцарских.

Диккенс встаёт и наливает себе скотча.

ДИККЕНС: Это просто бессмысленный бред, всё, что ты говоришь. Просто сраный бессмысленный бред.

ГАНС: Нет, не мне, Чарльз.

ДИККЕНС: Я и не предлагал.

ГАНС: Да. Моя мама всегда была двинутая на бухло. А потом она стала двинутая на всё. Интересно, не предписать ли одно другое? Я ничего, мне всё равно. А что случился с Вашей старой мамочкой, Чак?

ДИККЕНС: Ага, я могу разобрать полслова из десяти. Всё остальное просто бред.

Ганс продолжает слегка заговорищически, как бы подводя Диккенса к чему-то, и произнося слова немного более...

ГАНС: Я до сих пор не спросить Вас, что у Вас со шлюхой, но... как Вы пи́сать? (изображает «писать») Писать?

ДИККЕНС: Пи́сать? Ох. Так себе, Ганс. Так себе.

ГАНС: Так себе? Мало? (ит. Плохой? - прим. пер.) Мрачное лицо? Не хорошо?

ДИККЕНС: Да, malo. «Тайна Эдвина Друда». Пиздец.

ГАНС: Там у этого друга пиздец?

ДИККЕНС: Простите меня, Ганс, я был несдержан. Да, я блядую за спиной Кэтрин, но причина не только в этом.

ГАНС: Нет? Да? Возможно, небо?

ДИККЕНС: Небо?

ГАНС: *(показывая вверх)* Мать?

ДИККЕНС: Мать? Верхняя мать? Наверно, я продолжу говорить, не обращая на Вас внимания, Ганс. Так оно лучше получается.

ГАНС: Определённо! Лучший получай!

ДИККЕНС: Мне кажется, я выдохся, Ганс. Если честно, я не уверен, напишу ли я ещё хоть слово.

ГАНС: Я постараюсь ясно сделать мой речь, пока жена съебаться наверх.

ДИККЕНС: Пока жена съебаться наверх, я с Вами, Ганс. Я не знаю, надолго ли, но сейчас я с Вами.

ГАНС: Где у Чарльза Диккенса... Не Дарвина! Диккенса!

ДИККЕНС: Не Дарвина, правильно. *Диккенса!*

ГАНС: Диккенса. Где у Чарльза Диккенса.... *Марджори?*

ДИККЕНС: Не понимаю. «Где у Чарльза Диккенса Марджори?» Это так же лишено смысла, как и всё, что Вы говорите вот уже пять недель.

ГАНС: Scuzi. *(ит. Извините. — Прим. пер.) (медленно)* У Вас...

ДИККЕНС: «У меня...»

ГАНС: Есть...

ДИККЕНС: «У меня есть...» Хорошо.

ГАНС: Очень маленький...

ДИККЕНС: «Очень маленький.» Отлично. «У меня есть очень маленький...» Только не говори член!

ГАНС: У Вас есть...

ДИККЕНС: «У меня есть...» Мы уже проходили пункт «у меня есть...»

ГАНС: Очень маленький...

ДИККЕНС: «У меня есть очень маленький...» Мы куда-то продвигаемся, медленно...

ГАНС: Пигмей...

ДИККЕНС: «Пигмей»?

ГАНС: Женщин...

ДИККЕНС: «Пигмей женщин?»

ГАНС: В ко...

ДИККЕНС: «В ко...»

ГАНС: Ро...

ДИККЕНС: «Ро...»

ГАНС: Бке.

Он жестами показывает коробку.

ДИККЕНС: «У меня...» Можно, я повторю, чтобы... «У меня есть... *пигмей-женщина...*» Вы уверены насчёт этого пункта?

ГАНС: Пигмей женщин!

ДИККЕНС: Пигмей женщин! «У меня есть женщина-пигмей... »

ГАНС: Пигмей женщин...

ДИККЕНС: «Пигмей женщин... в коробке.»

ГАНС: Claro. (*ит. Конечно. — Прим. пер.*) Всё ясно теперь.

ДИККЕНС: У меня есть женщина-пигмей в коробке.

ГАНС: Как у меня, Дикки.

ДИККЕНС: Сама фраза ясна и понятна, но дело в том, что в ней нихуя нет смысла. «У меня есть женщина-пигмей в коробке».

ГАНС: У Вас есть пигмей женщин... (*изображает женщину-пигмея*) У меня есть пигмей женщин... (*изображает другую женщину-пигмея*)

ДИККЕНС: А-а... Я понял...

ГАНС: Вы понял?! Claro?! (*ит. Конечно. — Прим. пер.*) Пигмей женщин?

ДИККЕНС: Всё это не вследствие языкового барьера, не правда ли? Нет. На вершине славы Ганс Христиан Андерсен полностью свихнулся! Прямо как его мать. Полностью свихнулся. Я понял.

ГАНС: Моя мать свихнулся! *Ваша* мать свихнулся!

ДИККЕНС: Моя мать не свихнулась.

ГАНС: Ваша...

ДИККЕНС: *Ваша*.

ГАНС: *Ваша* пигмей женщин нормальный, *моя* пигмей женщин нормальный. Моя пигмей писать очень хорошо. Ваша пигмей писать...? Злак вопроса! *Вы* говорить.

ДИККЕНС: Ганс... почему бы Вам просто не вернуться домой?!

ГАНС: А ишо...

ДИККЕНС: Ну давай... «А ещё...»?

ГАНС: Вы, Дикки, не...?

ДИККЕНС: «Я, Дикки, не...?»

ГАНС: Посыл...

ДИККЕНС: Посыл? Посылал? «Я не посылал...?»

ГАНС: Мне...

ДИККЕНС: «Не посылал ли я Вам...?»

ГАНС: Красных мужчин.

ДИККЕНС: «Красных мужчин»? «Не посылал ли я Вам красных мужчин?» Люди не посылают друг другу красных мужчин, Ганс! Я знаю, что Дания — это совершенно другая культура, но люди не посылают друг другу красных мужчин даже в Дании! Я уверен, что это какая-то дисфункция лобной доли, Ганс. Вероятно, правильными лекарствами с этим можно что-то сделать.

ГАНС: Красных мужчин, нет? L'hommes rouge, non? (*фр.* Красные мужчины, нет? — *Прим. пер.*)

ДИККЕНС: Когда Вы вернётесь обратно в Данию, там будет кому за Вами присматривать, Ганс. Спорим, ваше здравоохранение на порядок лучше, чем наше здравоохранение.

ГАНС: (*удручённо*) Красных мужчин, нет?

ДИККЕНС: Вы сейчас же должны возвращаться домой, Ганс.

ГАНС: (*указывая*) Наверх?

ДИККЕНС: Нет. Домой. Уже пять недель, дружище.

ГАНС: (*понимая*) Пять недель?!

ДИККЕНС: Пять *ёбанных* недель, я хотел сказать.

ГАНС: О Марджори!

ДИККЕНС: О Господи!

Затемнение.

Сцена 9

Мансарда с марионетками. Звуки шагов, топаящих вверх по лестнице. Марджори просыпается в коробке — измождённая, ослабленная, тощая. Она походит к стеклу, чтобы послушать. В этот момент дверь пытаются открыть, затем её выбивают, и тени от двух человек заполняют комнату. Она отходит от стекла к противоположной стенке. Входят красные мужчины, медленно, напевая жутковатую песенку эпохи королевы Елизаветы I (Heu No, Nobody Home). Напевая и медленно приближаясь к коробке, один берёт марионетку-паука и играет с ней, другой достаёт револьвер — старый Уэбли...

БАРРИ И ДИРК:

«Хей-хо, дома никого.
Нет ни мяса, ни выпить, ничего.
Всё равно я буду веселиться...

Роза, роза, роза, роза,
Под венец когда пойдёшь?
Под венец пойду, как скажешь,
О, отец, как только скажешь.

Динь-дон, динь-дон,
Утром ранним свадьбы перезвон.
Нацарапай моё имя,
На том камне моё имя.

Бедная птичка.
Ты лети, лети!
Грустная, печальная
Ночка позади».

Песенка закончилась, Дирк постукивает револьвером в стекло, Барри достаёт свой. Марджори снимает одеяло, под которым она пряталась, и подходит к передней части коробки.

БАРРИ: И снова здравствуй.

МАРДЖОРИ: Привет ещё раз.

ДИРК: Забавно видеть тебя спустя все эти годы.

МАРДЖОРИ: Ага. У вас есть чего-нибудь пожрать? Я сейчас нахер сдохну с голода.

Они таращатся на неё мгновение, затем Барри достаёт свёрток с картошкой фри с майонезом и передаёт ей через отверстие.

БАРРИ: Вообще-то, у меня есть. У меня тут немного картошки фри с майонезом.

МАРДЖОРИ: Спасибо! *(ест)* Необычно.

ДИРК: Мы сюда пришли, чтобы убить её, Барри, а не кормить её картошкой фри.

БАРРИ: Но при этом мы же можем быть обходительными?

ДИРК: Испортил весь жуткий эффект от песни. Боже, ну и воняет здесь.

Марджори картошкой указывает на мертвеца — разлагающегося журналиста.

БАРРИ: Тот славный газетчик? Горло перерезано? Кто это сделал?

МАРДЖОРИ: Ганс Христиан Андерсен.

БАРРИ: Ёбтвою...! А все думают, что он милый!

МАРДЖОРИ: Ага, расскажите!

ДИРК: Куда делась твоя ступня?

МАРДЖОРИ: Андерсен отрезал. Выменял у цыган на заколдованную концертину.

БАРРИ: Вот уёбок!

ДИРК: Ну не знаю. Может, он это сделал, чтобы она не скучала по родине? *(ухмыляется)*

БАРРИ: Ладно тебе, Дирк. Для этого нет никакой нужды.

ДИРК: Она выколола мне глаз бамбуковой палкой!

БАРРИ: Это всё в прошлом. То есть, в *будущем*, ведь так?

Марджори возвращает остатки картошки фри.

МАРДЖОРИ: Не уверена насчёт майонеза, если честно.

БАРРИ: Это будет популярно.

МАРДЖОРИ: Ну не знаю...

БАРРИ: *Нет. Будет.*

ДИРК: Ладно, хватит о картошке, давай просто покончим с...

Дирк поднимает револьвер, чтобы застрелить её, но Барри опускает его...

БАРРИ: Я не стреляю в пигмеев в коробке, Дирк. Это, как стрелять в рыбу в бочке. Но только с пигмеем. Мы её выпустим на свежий воздух, поставим перед чем-нибудь. Ну это, как её мужа и детей!

Барри начинает возиться со стеклом, а Дирк всё ещё целится в Марджори.

ДИРК: Ты там не придумай ничего остроумного.

МАРДЖОРИ: Это будет сложно.

ДИРК: Мозговитая жопа. Маленькая мозговитая жопа.

МАРДЖОРИ: А кстати, где же ещё один брат?

БАРРИ: У нас нет ещё одного брата.

МАРДЖОРИ: Конечно есть. Вы были тройняшки, когда я вас убила. Сиамские тройняшки. Вы, наверно, потеряли его, перемещаясь во времени.

Барри этим взволнован. Он осматривает швы на их руках и боках.

ДИРК: Не слушай её, Барри. Она просто пытается запудрить тебе мозги.

БАРРИ: У неё, блять, получается, Дирк!

ДИРК: Это то, чем она занимается, да? Она выдумывает всякое.

МАРДЖОРИ: Он прав. Даже не думай об этом.

Но Барри всё ещё взволнован.

ДИРК: Ты всегда писала, Марджори?

МАРДЖОРИ: Да. Ещё до того, как была ребёнком.

Они выглядят сбитыми с толку.

На данный момент у меня тысяча две истории. Но у меня никогда не было бумаги, так что все они...

Она постукивает пальцем по голове.

БАРРИ: Ого. Она не только хорошо пишет, но и хорошо помнит.

ДИРК: Какая досада, что они будут утрачены.

МАРДЖОРИ: История ещё не закончилась, не так ли, ребятки?

Она им подмигивает.

БАРРИ: Она очень самоуверенна для карлицы, которой предстоит быть убитой.

МАРДЖОРИ: Это всё из-за майонеза!

ДИРК: Маленькая мозговитая жопа. Встань туда и заткнись.

МАРДЖОРИ: А вы собираетесь считать от десяти до одного, или типа того? Как на дуэлях.

БАРРИ: Это чё, дуэль?

ДИРК: Мы бельгийцы, а не французы!

БАРРИ: Мы собирались просто пристрелить тебя. Никакого счёта не было предусмотрено.

МАРДЖОРИ: Это было бы более драматично — такой маленький обратный

отсчёт. А я бы могла сыграть небольшую прощальную мелодию для своих любимых. Жутковатую мелодию. Слегка китайскую. Но очень подходящую к ситуации!

ДИРК: Голосую — нет.

БАРРИ: А я голосую за то, что это минимум, что мы можем сделать, памятуя о Конго.

ДИРК: Думаю, договорились.

МАРДЖОРИ: Спасибо.

Она снимает со стены концертину и начинает играть магическую мелодию. Они поднимают револьверы, взводят и целются в неё...

МАРДЖОРИ: Начинайте уже!

БАРРИ И ДИРК: А! Мы начинаем! Я думал, ты уже начала! Десять...!

Мелодия звучит всё время.

МАРДЖОРИ: Всё, чего я хотела...

ОБА: Девять!

МАРДЖОРИ: Это засыпать рядом со своим мужем и малютками...

ОБА: Восемь!

МАРДЖОРИ: И чтобы истории в моей голове...

ОБА: Семь!

МАРДЖОРИ: Покоились в тишине...

ОБА: Шесть!

МАРДЖОРИ: Но потом вы убили моего мужа...

ОБА: Пять!

МАРДЖОРИ: А потом вы убили моих детей...

ОБА: Четыре!

МАРДЖОРИ: И со мной остались только мои истории...

ОБА: Три!

МАРДЖОРИ: А теперь вы и их убили.

ОБА: Два!

МАРДЖОРИ: Теперь вы и их убили.

ОБА: Один!

Марджори делает глубокий вдох и крепко зажмуривается, концертina широко растянута, красные мужчины собираются стрелять. Всё замирает, как на картине Гойи.

Затемнение.

Сцена 10

Дом Диккенса. Дорожная сумка Ганса на столе, Диккенс спешно помогает ему надеть его огромный плащ и шляпу. Возвращается Кэтрин.

ГАНС: Я не... Ха! Я не очень понимать...

ДИККЕНС: Всё в порядке! Иногда ведь хорошо чего-то не понимать? Можно будет много над чем поразмыслить в будущем... *(к Кэтрин)* Кажется, я убедил его уехать...

КЭТРИН: Нихера себе!

ДИККЕНС: Не говори ничего, что может заставить его передумать.

ГАНС: Красные мужчины нет?

ДИККЕНС: Нет красных мужчин, нет... Пуговицы. Вот так... Он не только датчанин, Кэтрин, он ещё и сумасшедший!

ГАНС: Ишо нет пигмей? Нет пигмей в коробке?

ДИККЕНС: Нет. Никакого пигмея в коробке, Ганс. И вообще в Лондоне. Об этом мало кто знает. Да, Кэтрин?

КЭТРИН: Да. Всё правильно. Она умерла в прошлом году, бедняжка.

Диккенс пытается улыбнуться, продолжая помогать Гансу с пуговицами.

ДИККЕНС: Нет, это... не поможет, Кэтрин...

ГАНС: Умерла, говорите?

ДИККЕНС: Она не сказала ничего похожего на «умерла»!

КЭТРИН: Да, она умерла на Рождество. Дети были безутешны, пока мы не подарили им железную дорогу.

ГАНС: Ваш пигмей женщин умерла?

ДИККЕНС: Не, не, не, не, не...

КЭТРИН: Да. Чарльз разве не сказал Вам?

ДИККЕНС: Что я только что... Теперь он никогда не съебётся!!

ГАНС: Мистер Дарвин говорить...

ДИККЕНС: Диккенс!!

ГАНС: Мистер Дарвин говорить, что у вас нет пигмей и не ни где когда когда когда не иметь пигмей.

КЭТРИН: Мы где когда *иметь* пигмей. О чём ты говоришь, Чарльз? А кто всё это писал, пока ты трахал, всё, что шевелится?

ДИККЕНС: (*саясь*) Мне это не нужно. Мне это нужно? Нет, не нужно!

КЭТРИН: Сейчас ты лжешь даже о женщинах, с которыми не спал, не говоря уж о тех, с которыми спал.

Диккенс смущённо отводит взгляд.

Чарльз? Я говорю, «Сейчас ты даже...» Ох, Чарльз ты не...

ДИККЕНС: Конечно нет! За кого ты меня принимаешь?

КЭТРИН: О Боже...

Зная, что он врёт, опустошённая Кэтрин присаживается у стола.

ГАНС: Маленький пигмей женщин умерла? А мистер Диккенс врёт? А мистер Андерсен не сумасшедший?

ДИККЕНС: Вынужден признать, два из этих трёх утверждений верны.

Опечаленный, он встаёт и достаёт из шкафа скелет женщины-пигмея, который был превращён в марионетку: семнадцать нитей прикреплены к костям рук и шестнадцать — к черепу. У скелета нет одной кисти и одной ступни.

Дети, вроде как, скучали по ней, так что мы сделали из её тела марионетку. Но это совсем другое. Теперь я не могу закончить «Друда», а дом кажется таким ужасно пустым с Рождества. Ты не замечаешь звук пишущей машинки... пока он не исчезнет навсегда.

ГАНС: Скелет? Из шкаф?

ДИККЕНС: Да. Кажется, есть такая шутка, но я её не понимаю.

КЭТРИН: Нужно, чтобы кто-нибудь её тебе написал. Не так ли, Чарльз?

ДИККЕНС: Кэтрин, пожалуйста!

Ганс берёт скелет.

ГАНС: Как ваш маленький Марджори умри?

ДИККЕНС: Как мой Марджори умри?

ГАНС: Умри, да! Умри, лживый Дикки! Умри!

ДИККЕНС: Мне жаль, что я соврал, Ганс. Мне *очень* жаль. Трудно признать, что работа всей твоей жизни была сделана крошечной африканской женщиной, которую ты заточил в коробку. В своё оправдание могу сказать, что она писала не *всё*...

КЭТРИН: Херня!

ДИККЕНС: Она только придумывала сюжеты и персонажей... и диалоги. И все описания. Я помогал с названиями! «Холодный дом», это моё. Про дом... который был немного холодный. *(пауза)* «Крошка Доррит»... про... ну это и так понятно. *(пауза)* «Средние надежды»... Нет, это она поменяла обратно, так что нет.

КЭТРИН: Я ухожу от тебя. Чарльз.

ДИККЕНС: Кэтрин, ну хватит...

КЭТРИН: И я забираю с собой одного из детей.

ДИККЕНС: *Одного* из детей?

КЭТРИН: Да, Кэти. Остальные надоедливые. Особенно тормознутый.

ДИККЕНС: А кто тормознутый?

КЭТРИН: Точно!

ГАНС: Как ваш маленький Марджори умри?

ДИККЕНС: Это долгая история. Но мы же знаем, что у Вас куча времени.

ГАНС: Да...

*Он присаживается к столу, снимает шляпу и расстёгивает пуговицы.
Диккенс вздыхает.*

ДИККЕНС: Ну, очевидно, цыгане... У вас есть в датском такое слово — «цыгане»?

ГАНС: Ссыгане, да.

ДИККЕНС: Ссыгане, да, цыгане... Очевидно, цыгане — тогда я этого не знал — но, очевидно, цыгане из будущего возвращаются во времени, чтобы сказать нам, что работа бессмысленна, и нам следует чаще бывать на свежем воздухе, и должен заметить, я с этим согласен, только думаю, что они неправильно это объясняют. В общем, каким-то образом *моя* Марджори... на самом деле мы звали её «Памела», в честь покойной тётушки Кэтрин из Рочестера... каким-то

образом Памела смогла поговорить с нашими местными цыганами и попросила захватить ей кое-что из будущего, что-то, что, как она надеялась, сможет однажды пригодиться ей в Конго. Если когда-нибудь она смогла бы найти деньги, чтобы туда добраться или вообще дожить. И вот на Рождество цыгане, как обычно, постучали в дверь. Я дал им её ступню и её маленькую ручку, а они дали мне то, что они называли заколдованной концертиной — как они сказали, одной из двух, которыми они владели. Я взял её для Памелы, правда, дорогая? И дал ей, и первый раз за много-много лет её взор прояснился... её прекрасные маленькие глаза просветлели...

Кэтрин с грустью на него смотрит.

Но, как выяснилось, концертina не была заколдованной — они вообще не бывают заколдованными — просто это было самым лучшим местом, куда можно было спрятать автомат, который они собирались ей принести. А потом, как Вы можете представить, началась заваруха...!

Затемнение в доме Диккенса и немедленно свет в...

Сцена 11

мансарде, где бельгийцы считают до —

ОБА: Один!

После чего Марджори открывает безумный оглушительный огонь из автомата, спрятанного в концертине, который крошит бельгийцев в труху. Кровавые куски плоти отрываются от них, как в фильмах Пекинпа, в их ужасном смертельном танце. Кровь забрызгивает стены, пока они не обрушиваются на залитый кровью пол, как расхераченные груды мяса. И когда они уже лежат, Марджори ещё раз даёт по ним очередь, чтобы мало не казалось. Она делает шаг назад, чтобы посмотреть на своё рукоделие — Дирк мёртв, Барри почти...

МАРДЖОРИ: Ёбанные бельгийцы!

БАРРИ: (пауза) Мда, это было немного неожиданно!

Его голова опадает на сторону, как будто бы он умер. Марджори забирает револьверы у них из рук или там, где они их выронили, и кладёт

на концертину, которую она поставила на полку...

МАРДЖОРИ: Уэбли. Мило. Старомодно. Или это *новомодно*, я запуталась! Но оружия не может быть слишком много, когда собираешься спасти Конго!

Она осматривается, чтобы понять, что делать дальше, но её пугает Барри...

БАРРИ: Марджори?

МАРДЖОРИ: А, живой, привет...

Она берёт Уэбли.

БАРРИ: У нас... У нас правда был ещё один брат? Сиамский близнец, которого мы потеряли, когда перемещались во времени?

МАРДЖОРИ: О! Нет-нет, я вас наебала! Вы же мне не поверили?

БАРРИ: Это было немного жестоко, Марджори.

МАРДЖОРИ: Меня зовут Мбутэ, мразь.

Она бьет его ногой в голову, и он умирает. Она кладёт револьвер на концертину, поднимает рубаху и заправляет её в штаны, готовая действовать, хватая свой деревянный костыль...

Держи меня, костылёк!

И прихрамывая идёт к чему-то, что она заметила на верху коробки, и берёт это счастливая — марионетку-паука!

Теперь не так уж и темно, да, Паучок? Теперь не так уж и темно!

В этот момент в дверях появляется тень Ганса и он входит. Марджори спешит к оружию и концертине, но он уже рядом с ними. Он берёт револьверы и вешает на себя концертину. Они стоят некоторое время, глядя друг на друга.

ГАНС: Ты не поверишь в наглость этого ёбаного Чарльза Диккенса!

МАРДЖОРИ: Да?

ГАНС: Он хотел меня убедить в том, что у меня двинулся чердак!

МАРДЖОРИ: Чердак? У тебя?! Никогда!

ГАНС: Я так и сказал! *(пауза)* О, я вижу, красные мужички в гостях.

МАРДЖОРИ: Эмм... Я должна была их убить, и всё такое.

ГАНС: Заметно! *(пауза)* Полагаю, они это заслужили.

МАРДЖОРИ: Заслужат.

ГАНС: Ага, я немного запутался в этих путешествиях во времени!

МАРДЖОРИ: Расскажешь, как там моя сестра?

ГАНС: *(пауза)* Хорошо...

МАРДЖОРИ: *(с надеждой)* Хорошо?!

ГАНС: Нет, не «хорошо»! Боже, нет, не «хорошо». «Хорошо»... точка точка точка... «расскажу». Точка. «Она»... точка точка точка... «мертва». Точка.

МАРДЖОРИ: Ох. Я это знала.

ГАНС: Правда? Пигмейская интуиция?

МАРДЖОРИ: Нет. Я просто знала.

Она садится, грустная.

ГАНС: Мне жаль, Марджори. Правда.

Он достаёт из дорожной сумки скелет Памелы, подвешенный за нити...

Но я привёз её, чтобы вернуть тебе.

МАРДЖОРИ: Что?! Я знала, что она умерла. Я не знала, что у неё в голове куча сраных верёвок!

ГАНС: Это не я сделал! Не стреляй в курьера. Это сделал ёбанный Чарльз Диккенс! Вот какой он!

Она берёт в руки свою сестру.

По бороде можно было догадаться, что он хер собачий. Никогда больше не поеду в эту засратую маленькую деревню. Самые уродливые дети в мире. Не надо нам было называть сказку «Гадкий утёнок», надо было назвать её «Гадкий английский ребетёнок». Так более правдоподобно. Исключая то, что в лебедей они не превращаются.

Марджори в слезах нежно гладит скелет...

Бедная несчастная... как бы там её ни звали.

МАРДЖОРИ: Огеши.

ГАНС: Огеши?! Звучит по-японски!

МАРДЖОРИ: Это означает «Дух Времени».

ГАНС: Да? А ты продолжаешь думать, что я плохой. По крайней мере, я не отнимал у тебя твою ногу *и* твою руку.

Он поднимает руку Огеши с отсутствующей кистью.

Так что с точки зрения заботливости, самый заботливый — это я, не так ли? Я выиграл.

МАРДЖОРИ: Нет, у неё не было руки и ноги ещё с Конго.

ГАНС: Правда? Это странно. Тогда он просто постоянно лгущий уёбок, этот Диккенс. Спорим, они всё равно похоронят его в Уголке Поэтов. Вместе с другими мудаками. *(пауза)* Хотя он точно с ней спал. А я, по крайней мере, этого не делал.

МАРДЖОРИ: *(в слезах)* Что?!

ГАНС: А! Ничего!

МАРДЖОРИ: Зачем ты мне *это* говоришь?!

ГАНС: Ну... потому что это произошло, знаешь ли. Потому что это правда. Как Конго. *(пауза)* Хоть этого ещё и не случилось, но это случится, не так ли... Я уже говорил, что запутался.

МАРДЖОРИ: Этого не случится. Я этого не допущу.

ГАНС: Вот и хорошо. *(пауза)* Не знаю, как ты это сделаешь из коробки в мансарде в Копенгагене.

Пауза.

Всё равно я выигрываю у Диккенса. Я, по крайней мере, никогда не занимался никакими шалостями. Даже не пытался!

МАРДЖОРИ: Это потому, что тебе нравятся мужчины.

ГАНС: Да не нравятся мне мужчины! Кто говорит, что они мне нравятся?! Это из-за того, что я вышиваю?

МАРДЖОРИ: Нет. Это из-за того, что ты влюблён в Эдварда Коллина.

ГАНС: Да? Кто? Я? Я? *(пауза)* Хотя, он такой милый, правда?

МАРДЖОРИ: Я не знаю. Никогда его не видела. Я сидела в коробке.

ГАНС: Ой! Я же получил письмо от Эдварда Коллина по пути домой! Чуть не забыл! Так спешил остановить тебя, чтобы ты не перебила пол-Дании. Может, я ему тоже нравлюсь? «Дорогой Ганс...» Хорошее начало, многообещающее... *(читает)* О. Не-а. Столько писанины про... одна из его дочерей, по всей видимости, умерла. А сколько их сейчас?! Хорошо, что я никогда с ней не встречался! *(читает)* Нет, ни слова обо мне. Некоторые так эгоистичны. *(сворачивает письмо и убирает)* Но всё равно он мне нравится! Эти глаза!

Марджори встаёт и бережно кладёт скелет на полку. Они смотрят друг на друга.

Ну, я... я думаю, время лезть обратно в коробку, да? *(пауза)* А вообще, сколько ты уже снаружи? Полагаю, следует соответственно её уменьшить, если мы хотим быть до конца честными.

МАРДЖОРИ: Да. Конечно. Но, может, я могу немного поиграть тебе, Ганс? Пока не начались плотницкие работы?

ГАНС: Ты же знаешь, меня пугают заколдованные концертины.

МАРДЖОРИ: Тебе станет спокойно после первых же нот.

ГАНС: *(пауза)* Вот как я себе представляю конец этой сказки: коробка становится всё меньше и меньше, ты печалишься всё больше и больше, пока однажды... бум! *(пауза)* Это голова твоя так взрывается — бум.

МАРДЖОРИ: Говно — конец.

ГАНС: Да?

МАРДЖОРИ: Какой у нас девиз? Оптимизму — да. Печальная женщина-пигмей расплющивается, пока не взрывается её голова... *Нет!*

ГАНС: *(в тот же момент)* Может... Я сказал *может* в тот же момент.

Они улыбаются. Пауза. Он передаёт ей концертину. Они обмениваются взглядами.

Счастливого пути.

Она аккуратно вешает её себе на шею. Он передаёт ей так же и оба револьвера.

Я про это не читал... потому что это невозможно. Этого ещё не произошло. Но это совсем не смешно — Конго в конце XIX века.

МАРДЖОРИ: На этот раз всё будет по-другому.

ГАНС: Десять миллионов человек. Это дохуя народа! Возможно, это определит столетие.

МАРДЖОРИ: Нет.

ГАНС: Нет?

МАРДЖОРИ: Потому что этого не случится. Пара сотен мёртвых бельгийцев, потом все нахуй затыкаются и уёбывают домой.

ГАНС: Скрестим пальцы, да? *(пауза)* Кстати, о мёртвых бельгийцах. Кто должен убирать всех этих мёртвых бельгийцев?

Она смотрит на них.

МАРДЖОРИ: Это, блять, не мой дом, а?

ГАНС: Вот скотина!

Пауза.

МАРДЖОРИ: Ну что, мне пора!

ГАНС: Пора в Африку? Хорошо.

МАРДЖОРИ: Ага. Нет причин откладывать.

ГАНС: Ты собираешься туда во времени перемещаться?

МАРДЖОРИ: Не, пожалуй, сяду в автобус.

ГАНС: Ага. Мне нравится Датская Транспортная Система. Она очень чистая и очень эффективная. Хотя, я почти уверен, что они не едут до Африки. Придётся с пересадкой.

МАРДЖОРИ: Ничего. Время есть.

Секунду они смотрят друг на друга... затем жмут руки.

ГАНС: Да. Очень чистые датские автобусы. *(пауза)* Не то что итальянские. Боже мой! Там будто только прокажённые катаются. Но так не может быть с точки зрения демографии. Италия — и все прокажённые? *(пауза)* Это было бы больше похоже на Иерусалим.

Пауза.

Буду скучать. *(пауза)* А ты?

МАРДЖОРИ: Нет.

Пауза. Он кланяется. Она разворачивается идти. Понимая, что концертина слишком громоздка, она её разбивает и достаёт новенький автомат, отбрасывая её останки —

ГАНС: Так-то лучше. Меньше груза в автобус.

— и с автоматом в руке, с Уэбли в каждом кармане, она готова уйти. Она смотрит на мёртвых красных мужчин, погружает руки в их кровь и обмазывает ей своё лицо и одежду...

О, на это вряд ли хорошо посмотрят в 176-м!

Марджори достаёт сигару и берёт её зубами.

Откуда это у тебя?!

МАРДЖОРИ: Куба!

ГАНС: Ах ты вертихвостка!

МАРДЖОРИ: Прощай, Ганс Христиан Андерсен.

ГАНС: О. Прощай... Марджори... Христиан Андерсен.

Она смотрит на него с презрением.

ГАНС: Прощай, Мбутэ Масакеле.

МАРДЖОРИ: Это, блять, не так уж и тяжело, правда?

ГАНС: Это было *чуть-чуть* тяжело. Все эти «м».

Марджори стоит в свете дверного проёма и прикуривает сигару...

РАССКАЗЧИК: И она прикурила сигару. И зачехлила оружие, и поспешила из мансарды с марионетками, чтобы пойти и спасти Конго.

На сцене время странным образом замирает.

Преуспела ли она или проиграла, только время покажет. Однако, это правда — печальная и грустная правда, — что до сегодняшнего дня по всей Бельгии —

Возможно... на задней стене появляются увеличенные фотографии, в качестве иллюстрации следующего...

Памятники королю Леопольду II всё ещё стоят... Всегда с бородой... часто с мечом в руках... и никогда с кровью на них... и как бы сказала Марджори...

МАРДЖОРИ: Давненько я не видела памятника пигмею, ребятки.

Фотографии заканчиваются.

РАССКАЗЧИК: А как бы сказала Мбутэ...

МАРДЖОРИ: Сказка ещё не закончилась. А?

Она подмигивает нам... и уходит спасать Конго. Ганс смотрит, как она уходит. Её длинная тень очень медленно исчезает в дверном проёме. Ганс встаёт, берёт скелет Огеши, аккуратно вешает его в коробке из красного дерева, закрывает стекло и оставляет висеть в жутковатом свете, а сам садится рядом на полку. Он оглядывает комнату: скелет, разлагающийся журналист, мёртвые бельгийцы и окровавленные стены, дверной проём, через который вышла Марджори. Потом он смотрит вперёд, слегка кивая.

ГАНС: Оптимистично! Более-менее. *(пауза)* Было бы хорошо, если бы ей удалось, правда?

Он слегка кивает, свет уходит под жутковатую мелодию концертины. Последний свет задерживается на Гансе и на скелете, потом...

Затемнение.

Конец.

Перевод Алексея Перловского
Ноябрь, 2020

pearl.of.sky@mail.ru